
Гузель ЯХИНА

МОТЫЛЕК

Рассказ

Огромная рука протянулась с неба и ухватила Мотылька за волосы. Волны, уже сомкнувшиеся над головой, расступились, в глазах опять полыхнул огненный шар закатного солнца. Мотылек все еще судорожно ловил ртом воздух вперемешку с пресной речной водой, а неведомая сила уже тащила его — не в облачную высь, как показалось в первый миг, а на палубу небольшого рыбацкого катерка.

— Ты откуда взялся посреди Волги, пловец? — спасителем оказался высокий рыбак с белой щетиной на коричневом от загара лице. Он стянул через голову мокрую насквозь тельняшку и отжал в реку. Руки у него были действительно большие и сильные.

Рыбаки молча изучали выловленного из реки мальчишку сквозь щелочки прищуренных глаз. Один стоял на носу у штурвала, второй сидел на корме, возле приглушенного несколько секунд назад мотора, от которого шел синеватый дымок. Видимо, это весь экипаж судна. Если на катере и был кто-то еще, то лишь в небольшом трюме.

Мотылек с трудом подтянул к животу окоченевшие ноги и сел, прислонившись к борту. Вода стекала с волос и синих хлопчатобумажных шаровар, облепивших бедра. Не двигая головой, он затравленно переводил синие глаза с одного рыбака на другого.

— Куда тебя девать-то? — рыбак с большими руками присел на корточки около Мотылька. — Мамка твоя где?.. В школу уже ходишь?..

Мотыльку никто не давал на вид больше семи лет, хотя ему в прошлом году исполнилось десять. Он молчал. Уже давно решил притворяться немым в подобных случаях.

— Ладно, молчун, обсыхай пока, — отчаявшись дожидаться ответа, рыбак кинул мальчишке чью-то штормовку из мягкого брезента. Тот мгновенно завернулся в нее, съезжился. Стало теплее, челюсти перестало сводить судорогой.

Взревел мотор. Рулевой плавно повернул штурвал, и катер понесся по волнам.

Мотылек крепко, до боли зажмурил глаза. Куда они мчатся — в спасительную голубую даль, вниз по Волге? Или в кровавый огонь заката, вверх по течению, обратно в старую жизнь?.. Усилием воли заставил себя разлепить веки и выглянуть за борт: катер летел, разбрызгивая снежно-белую пену, навстречу заходящему солнцу. Холод обжег изнутри, зубы и кости заныли. Мотылек понял: и эта попытка не удалась. В голове еще трепались лоскуты слабой надежды: может, они причалят раньше, не доходя до Острова? Или, наоборот, пройдут мимо? Но схваченное холодом сердце уже знало ответ: побег не удался, катер идет на Остров.

Остров никого не отпускал от себя. Ступив однажды на его каменистую землю, человек оказывался в полной власти этого мрачного даже на первый взгляд

Гузель Шамилевна Яхина родилась в Казани. По профессии PR-менеджер. Живет в Москве. Публикуемый рассказ — литературный дебют автора.

НЕВА 2'2014

места. Кто-то понимал это раньше, кто-то — позже, кто-то — так и не понимал никогда. Но все они кончали свою жизнь здесь, на пышных холмах, среди могучих серебристых ив и куполов, увенчанных черными крестами, ровно посередине слияния двух великанов — Волги и Свияги. Вода здесь была так широка, что берега виднелись только в очень ясный день, и так глубока, что легко становилась иссиня-черной при сумрачном небе. Окруженный бескрайними водными просторами, сверху прихлопнутый огромным небесным куполом, Остров мог сойти за единственный клочок суши в мировом океане, за единственное на планете пристанище для тех, кто не умел летать и плавать. Мотылек не верил в сказки, но таинственная власть Острова над своими обитателями была доказана многократно: все, кто пытался покинуть эту землю, возвращались — раньше или позже, сами или по принуждению, живыми или мертвыми.

Скоро на горизонте показался сам Остров — сперва крошечный, с наперсток. Мотылек обреченно наблюдал, как он становится все больше, как прорисовываются сначала крутые холмы, потом многочисленные храмы на холмах, потом кресты на храмах. На острове было пять храмов — и все из красного кирпича. Сейчас, освещенные пламенем заката, они были налиты тяжелым, кровавым цветом: тки — и брызнет.

Когда-то Остров населяла большая монастырская община, и храмы были местом паломничества. На заре советской эпохи монахов выслали: кого — на Север, кого — сразу на небо; а в монастыре устроили лечебницу для душевнобольных. Времена были тяжелые, душа болела тогда у многих — клиника заняла все пять храмов и стала одной из самых больших в Поволжье, принимая в лучшие времена до трехсот пациентов. В часовне помещался больничный архив. Персонал с семьями поселили сначала в наскоро сколоченных бараках, а потом люди постепенно отстроили себе добротные дома, обзавелись скотиной, разбили огороды — благо места на пышных холмах Острова было достаточно. Сейчас, в начале восьмидесятых, здесь насчитывалось уже немало династий: в лечебнице работали второе и третье поколения.

Дед с Мотыльком приехали на Остров недавно — семь или восемь лет назад. Прежней жизни Мотылек не помнил совсем, как и своих родителей. Над его кроватью дед повесил маленькую стершуюся фотографию (любил повторять: «Помни дочь мою, мать твою!»): большеглазая старшеклассница в белом школьном фартуке и с бантами-веревочками — вот и все, что он знал о своем прошлом.

А настоящее не радовало. Дед работал в психушке, пару лет назад дослужился до старшего санитаря. Пил много, постоянно — реже до бесчувствия, чаще до безумной, горячечной злости. Потихоньку сходил с ума. Бил Мотылька нещадно: в трезвости — объясняя причину в перерывах между побоями, по пьяни — без лишних слов, просто так. Легкие щелбаны и тычки именовал «стопариками», пинки и удары посильнее — «стакашками», а полосование ремнем уважительно величал «поллитрой».

«Сегодня будет *поллитра*, не меньше», — обреченно размышлял Мотылек, наблюдая приготовления рыбаков к причаливанию. На Остров не глядел и так чувствовал его приближение — холодные змейки бежали по звеньям позвоночника, кольцами сворачивались в животе, тяжело клубились там; кровь стала холодной, как вода за бортом.

Рулевой направил катер прямо к ветхому домику на причале, который на десяток метров выдавался с крутого берега в реку. Двое рыбаков копошились у люка трюма.

Шум мотора резко стих. Под частый плеск волн и крики чаек катер, покачиваясь, ткнулся в старые автомобильные шины и пришвартовался.

— Заждались уже ваш груз, — раздался высокий, надтреснутый голос.

Это был голос деда. Он вместе с двумя санитарями вышел из тени домика и, уперев руки в бока, ждал катер. Лицо его даже в мягком закатном свете оставалось жестким: солнце резко обозначило извилистые борозды морщин, крутые выступы надбровных дуг, подушки набрякших век над бойницами глаз, узкую щель рта. Только седой бобрик проволочных волос золотился нежно и трогательно.

Мотылек помертвел. Он сполз по борту вниз, на палубу, и скрючился под штормовкой, опустив на лицо капюшон.

— Это не наш груз — это ваш груз, — рыбак с большими руками легко спрыгнул на серые доски причала и протянул деду плотно набитый чем-то портфель. — Тут бумаги.

— А это... — рыбак завел руку назад и достал со спины из-под ремня серую папку для документов, — накладная. Распишитесь.

— Получу — распишусь, — буркнул дед. — Где они?

Рыбак махнул рукой товарищам на катере. Один из них, ожидавший у трюма, осторожно приоткрыл люк и спустился вниз.

Через пару секунд из трюма показалась безволосая голова со свежими бритвенными порезами по всему затылку. Голова часто и мелко кивала. Мотылек, наблюдавший за происходящим из блиндажа спасительной штормовки, по одному этому покачиванию понял: *белый*. *Белыми* на Острове называли обитателей психушки. Когда-то, очень давно, пациентам выдавали белые пижамы. Потом их заменили на серые, позже — и вовсе на полосатые. А прозвище так и осталось — прижилось.

Белый не спеша поднимался из трюма. Больничная пижама невнятного цвета, огромная бесформенная обувь без шнурков. Оказалось, что в постоянном движении у него не только голова — его плечи, руки, позвоночник мелко и не в такт подрагивали, делая их хозяина похожим на большую марионетку, ведомую пьяным кукольником. Когда пассажир вышел на палубу, стала ясна причина его медлительности: руки крепко связаны за спиной витым каналом на несколько хитрых узлов. От запястий канат шел к ногам и кольцами охватывал лодыжки, оставляя небольшое пространство для шага. Конец был в руках у рыбака, который поднимался вслед за пленником, направляя его легкими тычками в спину. *Белого* переправили на причал, и один из санитаров увел его в глубь Острова.

Вторым из трюма показался низенький толстяк. Его бритый череп был чересчур мал для оплывшего бесформенного тела, а руки и ноги — слишком коротки. Мотылек заметил серебристую нитку слюны, падающую на мятый отворот пижамы, и кроткий, обращенный внутрь себя взгляд бесцветных глаз. *Белый* просеменил по палубе на причал и был передан второму санитару.

— Все сходится, — подытожил дед, глядя в документы. — Два тела. Одно мужского пола, второе женского. Принял.

И расписался в накладной.

«Какое же из них было женского пола? — изумился Мотылек. — Неужели толстяк?..»

— Это еще не все, — рыбак с большими руками спрятал папку с накладной обратно за спину. — Есть третье тело. Идет под грифом «Ч». Документов, естественно, нет.

— М-м-м... — дед матерно сплюнул. — Опять неучтенка... Ну, давайте его сюда, недобитка.

Из трюма вывели третьего. Он был высок и худ, движения изможденные, но голову держал прямо. Оказавшись на палубе, внимательно огляделся и вдохнул всей грудью. Мотылек понял: «Не настоящий *белый*».

За долгие годы жизни бок о бок с немного, сильно и полностью сумасшедшими у многих островитян развилось умение определять душевную болезнь с первого взгляда. Вроде, бывало, и совсем нормальный человек, и рассуждает, и ведет себя, как самый обычный гражданин, — а Мотылек с первого взгляда чуял в нем червоточину, скрытую незалеченную сердечную рану, едва уловимый запах гниения души. И знал: либо уже случаются с этим человеком моменты потери обычного уравновешенного состояния — предвестники надвигающейся душевной болезни, либо еще придут. И дорога ему одна — в один из красных храмов на Острове. Никогда не ошибался... А уж если в глаза кому заглянуть — так это вовсе зеркало, в котором вся душа отражается, как она есть, со всеми ее изъянами и тенями. Вот и дед (Мотылек это ясно видел, особенно по блеску выцветших бледно-голубых глаз) одной ногой уже в психушке, даром что санитар. Только когда старый алкаш, белая его душа, встретит свою суженую, тоже белую, родом из бутылочки, и с ней под ручку в свою же лечебницу пойдет, как под венец, — никому не ведомо...

А этот, худоба под грифом «Ч», не был белым. Совсем. И пижамы больничной на нем не было. Незаправленная и незастегнутая рубашка белым парусом стояла на ветру (приглядевшись, Мотылек увидел, что пуговиц на ней не осталось), сквозь порванные в нескольких местах брюки светились бледные ноги. Чем-то он неуловимо напоминал Роман Романыча.

Тыкать в спину его не пришлось, он сам направился к причалу твердыми, несмотря на связанные руки и ноги, шагами. Ведший его рыбак передал канат деду и с видимым облегчением вернулся к своему месту на корме, у мотора.

— Что велено передать на словах? — хмуро спросил дед, плотно наматывая канат на правый кулак.

— Вам позвонят, — рыбак с большими руками, не прощаясь, шагнул в катер и махнул на корму. — Заводи!

«Неужели пронесло?! — надежда ослепительной вспышкой мелькнула в голове Мотылька. — Неужели про меня забыли?..»

— Эй, стойте! — рыбак шагнул к неподвижно лежащей на палубе брезентовой куче, сгреб ее в охапку и поднял в воздух. — Это не ваш пацаненок, случаем?

Мотылек, крепко схваченный под мышки недавно спасшими его большими руками и плотно завернутый в кокон штормовки, тряпичной куклой повис над палубой.

Дед, уже собравшийся вести пациента в глубь Острова, обернулся и сощурил свои и без того узкие глаза.

— Случаем, наш, — проговорил он очень спокойно. — Это внук мой, Митя. Мотылек по-семейному. Давайте-ка его сюда.

Рыбак протянул мальчика деду на вытянутых руках, не сходя с палубы.

— Дяденька, не отдавай, — прохрипел Мотылек сжавшимся горлом и рванул мышцы, пытаясь выскользнуть. Но штормовка помешала.

Знакомая с детства железная рука схватила его за талию и намертво прижала к твердому боку: дед защемил внука в капкане подмышки — ногами вперед, головой назад. Мотылек ткнулся лицом в жесткую задницу деда, но укусить не решился. Слезы уксусом обожгли глаза.

— Да ты, оказывается, говорить умеешь... — озадаченно приподнял выгоревшие брови рыбак.

В этот миг мотор закричал дурным голосом, и катер рванул обратно в Волгу, оставляя за собой широкий ковер белой пены.

Рыбак, пройдя к корме, все продолжал смотреть на удаляющуюся землю, где по узкой тропинке шагали вверх по холму высокий незнакомец под грифом «Ч» в от-

чаянно бьющейся на ветру рубахе и ведущий его на поводке мрачный дед, у которого под мышкой трепыхалось маленькое живое существо в зеленой штормовке.

* * *

Задница деда пахла гнилым луком. Мотылек отворачивал голову, затаивал дыхание, но смрадный запах неумолимо лез в ноздри. Дед так и не спустил его на землю, нес под мышкой — боялся, что пацан утечет. Хотя куда уже теперь утекать, с Острова? Кругом вода.

Белые иногда сбегали из храмов и бродили по Острову — к этому относились спокойно, не торопясь и с душой ловили: охота на беглецов стала одним из любимых развлечений санитаров. Все знали, что уплыть с Острова невозможно: до берега — многие километры, течения сильные и холодные. Иметь свою лодку местным запрещалось. Движение судов с Острова и на Остров строго контролировалось.

Мотылек бежал отсюда шесть раз. Первый раз в семь лет: пробрался тайком на палубу катера, еженедельно завозившего продукты на Остров, и спрятался меж ящиков. Думал — не заметят. Заметили, развернулись посреди Волги и привезли обратно. Второй раз он был хитрее — проникнув все на тот же продуктовый катер, забрался внутрь единственного открытого ящика и залез на самое дно, под какое-то ветхое тряпье. Когда перед отплытием вернувшиеся с берега рабочие стали класть в ящик один за другим мешки с чем-то тяжелым, Мотылек сначала крепился и терпел, а когда тяжесть стала невыносимой — глухо заорал, сильно испугав рабочих. После этого случая дед стал запирает его дома во время прихода продуктового катера.

Третий раз Мотылек бежал уже следующим летом, в свой день рождения, — ему исполнилось восемь. Сколоченный из украденных досок плот пару недель ждал своего часа в тайном убежище в ивовой роще. Тихая, безветренная погода стала для Мотылька лучшим подарком в этот день. Украдкой он снес плот к воде, лег на него животом и, отчаянно работая ногами, устремил вниз по течению, надеясь доплыть до берега или встретить какое-нибудь судно. Через полчаса путешествия его, окоченевшего, с чернильно-синими губами, выловил из воды архивариус психиатрической лечебницы, возвращавшийся на Остров на своем катере из Казани.

Четвертый и пятый разы вспоминать было тяжелее всего. Прошлым летом Мотылек попытался угнать с охраняемого причала один из штатных катеров психушки. Дед со вторым санитаром догнали его на втором катере посередине Волги и взяли на бордаж. Вращая побелевшими от ярости глазами, дед прорычал: «Хотел уплыть — так плыви!» — и скинул Мотылька за шкуру в реку. Оба катера ушли на Остров, оставив Мотылька одного среди свинцовых волн. Плыл до берега почти час, думал: не выдержит — утонет. Выдержал.

Через пару месяцев, ошалеv от неудержимого желания сбежать, попробовал уйти вплавь. Выплыв на середину Волги и полностью обессилив, понял, что до берега не доплыть и есть только два пути — или обратно, или на дно. Развернулся. Сколько плыл до Острова — не помнил, как выбрался на сушу — тоже. Его нашли вечером лежащим без сознания на мокром прибрежном песке, отнесли домой. К деду.

Самое обидное было, что оба последних раза он *сам* плыл на Остров. До изнеможения колотил по воде руками и ногами, выглядывая спасительный берег, всей душой стремился туда, откуда совсем недавно до смерти хотел сбежать. Получается, не до смерти хотел. И не сбежал.

Как не сбежал и в этот, шестой раз. Спасательный жилет, выкраденный со штатного катера психушки, нес его по студеной майской воде пару часов, но потом выскользнул из одеревеневших рук и уплыл, оставив мальчика тонуть посередине Волги...

— Не вздумай рыпнуться, — это дед предупреждал *белого*, заводя его в дом и свободной рукой наматывая канат с пленным вокруг холодной батареи.

Наконец канат был прочно завязан. Дед с усилием задвинул огромный скрипящий засов на двери и только потом разжал подмышку — Мотылек больно грохнулся на крашеный дощатый пол.

— Сволоочь, — лениво сказал дед внуку.

Мотылек понял, что сейчас дед будет распалать себя, и попятился.

— Мразь недоношенная, — чуть громче проговорил тот.

«Куда же деться?» — стучал в висках страх. Входная дверь заперта. Можно, конечно, выбить окно и сбежать, но за этим последует еще более страшная кара (а в том, что дед все равно его поймает, Мотылек не сомневался)... Через пару мгновений старик дойдет до нужной кондиции и начнет расправу — тогда вырваться будет бесполезно... Кухня была маленькая: громоздкий дубовый стол, старая плитка о двух конфорках, газовый баллон и ржавые гармошки батареи. Спрятаться негде. Мотылек вскинул глаза на *белого* и поймал его внимательный сочувственный взгляд. *Белый* чуть повел бровями, словно подавая мальчику какой-то тайный знак.

— Ах ты, параша! — дрожащими руками дед рванул из брюк ремень.

Мотылек ящерицей юркнул по полу в ноги к *белому*. Дед хлестанул ремнем вслед, попал по батарее, та жалобно загудела и посыпалась остатками белой краски. Старик нагнулся, пытаясь вытащить внука из-под защиты чужих длинных ног. Мотылек намертво вцепился в спасительные брюки, дед рванул его к себе, раздался треск разрываемой материи. Он вывернул голову назад и, ощерившись, клацнул зубами, пытаясь вцепиться в дедовы пальцы.

Вдруг *белый* сделал странное резкое движение туловищем — словно низко поклонился, и державшие Мотылька железные тиски разжались. Дед грузно оседал на пол, тараша ничего не понимающие глаза, над бровью вздувалась на глазах огромная лиловая шишка. На лбу у *белого* тоже заалела распухающая ссадина.

«Ударил деда головой», — догадался Мотылек. Перекатился кубарем мимо деда, дернул на себя крышку подпола и нырнул в открывшуюся черную щель. Кувыркком скатился по склизким ступенькам. На земляной пол приземлился кошкой — на четыре точки. Сквозь сырую темноту на ощупь метнулся в один из пахнущих сыростью углов, припал к земле, выдохнул воздух из легких и замер, не дыша.

Сейчас дед не полезет в подпол: нужно зажигать керосинку, надевать специальные нескользкие валенки, шарить по углам в поисках уворачивающегося внука... Сейчас на это не было времени. Вот ночью будет. Но пока Мотылек гнал от себя мысли о том, что будет ночью.

— У-у-у-у-у-у!.. — раздалось наверху негромкое рычание.

Доски над головой закрипели и заныли. Это дед, медленно поднимаясь, топал и перебирал ногами.

— У-у-у-у-у-убью, — сказал он очень тихо и невнятно, но Мотылек уловил.

— Убью, — повторил через секунду с натугой, словно поднимая что-то очень тяжелое.

Раздался грохот и сильный треск. На голову посыпалась густая пыль, все доносящиеся сверху звуки стали глуше. Скудный свет, проникавший сквозь тонкие щели, пропал — и Мотылек понял: дед придавил крышку подпола чем-то большим. Ага, перевернутым вверх ногами обеденным столом.

Глухо звякнула батарея, когда от нее отвязывали канат с пленным.

— Вот поставим тебя на учет — и убью. Сам убью, никого не допущу... — еле уловил Мотылек последние слова деда. *Белый* молчал.

Заскрипели половицы под грузными, широкими шагами деда и мелкими шагами пленного. Ржаво застонал отодвигаемый засов. Потом тяжело хлопнула входная дверь, и все звуки стихли.

Мотылек остался один. Только сейчас он вспомнил, что нужно дышать, и, с громким всхлипом распахнув губы, стал жадно глотать воздух. Отдышался.

Тьма вокруг была черна, как сажа. Погрузив в нее руки, мальчик пополз вперед. Добрался до ступенек, заполз по ним вверх, скользя по влажному камню. Уперев затылок и плечи в крышку, попробовал приподнять ее — но не смог даже сдвинуть. Дубовый стол лежал сверху недвижимо, как гробовая плита. Другого выхода отсюда не было: подпол был вырыт в земле и обложен изнутри большими цельными камнями. Мотылек запахнул потуже штормовку, сел на ладони, чтобы не замерзнуть окончательно на холодных ступеньках, уткнул лоб в острые коленки и задумался.

Сегодня дед вложит в расправу всю свою душу. Попытка побега, неожиданный отпор со стороны *белого* — за все это придется заплатить сполна. Тут и *поллитры* будет маловато. Хотя побои — дело недолгое, их можно перетерпеть, а синяки и ссадины пройдут, затянутся, зарубцуются в конце концов, как два больших шрама на спине и один, совсем крошечный, на виске. Самое страшное — это длинные наказания.

Если дед опять привяжет его к кровати на весь день, Мотылек выдержит. Он будет время от времени скашивать глаза на изголовье, где висит помятая фотография мамы, и думать о ней — так время пробежит быстрее. За день он пару раз описается, от жажды высохнет и станет шершавым язык, плечи и ноги распухнут в тех местах, где их пережмет веревкой. Но это мелочи, их можно исправить — когда дед отвяжет его, Мотылек сначала выпьет целый чайник воды, и язык вновь начнет слушаться. Потом выстирает в Волге белье и матрас, чтобы не воняли мочой. Плечи и ноги пройдут сами через пару дней. Как будто ничего и не было. Так Мотылек победит деда. Тот не будет об этом знать, но Мотылек будет.

А вот если дед подвесит его за руки к притолоке, как в два последних раза, победить не удастся. Распухшие запястья и ноющие мышцы не пугали, это пройдет. Пугали мухи. Они прилетят на запах его страха. Первые несколько часов он будет сгонять их с себя, дергая мышцами — сначала быстро, потом все медленнее, под конец еле-еле. Потом наступит момент, когда он будет не в силах прогнать их — и эти твари дождутся своего часа. Они будут садиться на лицо, шею, вздувшиеся вены на кистях рук, заползать под рубаху, шарить по животу, бедрам... Он будет чувствовать каждую из сотен маленьких лапок на своей коже. Будет чувствовать, но сделать ничего не сможет... А когда вечером дед, придя с работы, развяжет его и Мотылек мертвой тушкой рухнет на пол, мухи улетят, — чтобы ночью вернуться к нему в снах. Во сне будет страшнее, сон повторится много раз — уже нельзя будет сказать себе, что ничего не было. Нет, еще одного подвеса он не выдержит. Мотылек встал с заледеневших ладоней и растер их друг о друга. Лучше умереть. Или убить деда.

Эта мысль еще ни разу не приходила ему в голову. Он прислушался к ней. Мысль была проста и делала простым все остальное. Отменяла тычки, побои, полосование ремнем, привязывание к кровати, подвешивание к притолоке. Отменяла багровые синяки, пульсирующие болью шишки. Резкую боль, ноющую боль, глухую боль. Она отменяла страх. Мотылек стал думать, как это сделать. Оружия у

него нет. Ударить чем-то тяжелым по голове вряд ли получится: все-таки дед очень высокий. Можно попробовать свалить деда с ног и тогда ударить по голове — что есть силы, со всего размаха... Мотылек представил, как обычно дед спускается в подпол: до конца распахивает тяжелую крышку, вешает керосиновую лампу на специальный крючок, вбитый снизу в доски пола, и начинает осторожно, по одной, ставить ноги в валенках на каменные ступени; керосинка освещает весь небольшой колодец подпола — высокий картофельный ящик без крышки в одном углу, банки с припасами в другом... Мотылек так ясно представил себе эту картину, что темнота отступила, — он увидел пространство вокруг себя, словно наполненное желтым светом лампы. Разлить на ступеньках огуречный рассол, чтобы дед поскользнулся? Он увидит мокрые ступеньки и не станет по ним спускаться... Кубарем броситься к нему в ноги и силой попробовать свалить с лестницы? Скорее всего, дед окажется сильнее... А может, заставить его самого опустить голову вниз? Он увидит что-то на земле. Что-то такое, что ему очень сильно захочется разглядеть поближе, и нагнется низко-низко... В этот момент нужно ударить по этой ненавистой голове — что есть силы, со всего размаха...

Мотылек снял штормовку, шаровары, оставшись голышом, и разложил на земляном полу. Один рукав штормовки тянулся вверх, касаясь ящика с картофелем, второй смотрел вниз; капюшон слегка наклонился вбок; штанины шаровар раскинулись в разные стороны. Тряпичный человечек будто спускался по ступеням и упал на пол.

Сам Мотылек засядет в картофельном ящике. Он все точно рассчитал. Дед, удивленный необычной картиной, спустится по ступеням вниз. Возможно, даже снимет керосинку с крючка и возьмет с собой, чтобы получше все разглядеть. Присядет на корточки около тряпичного человечка, начнет ощупывать его. И вот тогда Мотылек выскочит из ящика и обрушит на склоненную голову полуторалитровую банку с солеными огурцами. Банка хорошая: тяжелая, из толстого стекла. Не должна подвести.

Чтобы уместиться в ящике, Мотылек выбросил оттуда часть картошки и рассовал по щелям, по темным углам, за банки с припасами. Потом устроился поудобнее на холодных клубнях, обнял свое полуторалитровое оружие и стал ждать прихода деда.

* * *

Его разбудил солнечный луч, ползущий по носу. Луч бил из щели между половыми досками. Где-то кричали чайки. Наверху уже наступил день. Мотылек выбрался из ящика, с трудом переставляя затекшие ноги. Взобрался по ступеням, толкнул крышку — та легко поддалась. Высунув голову, осмотрел кухню — деда не было. Засов на входной двери был открыт. Обеденный стол немного перекоксился, его некогда крепкие ноги разъехались в разные стороны.

Выбрался из подпола. Чайник на плите был теплым. На столе стояла грязная кружка, лежали хлебные крошки. Видимо, дед позавтракал и ушел на работу. Часы на стене показывали половину девятого.

Мальчик спустился в подпол, аккуратно собрал все картофелины обратно в ящик, поставил на место банку с солеными огурцами. Поднял наверх шаровары и штормовку, развесил на веревке во дворе просушить. Надел синюю форму и побежал в школу.

* * *

Любовь к девочке на несколько лет старше — безнадежна. Мотылек это понимал. Любовь действительно звали Любовью. Любе было четырнадцать. Да что скрывать, этой весной ей уже исполнилось пятнадцать. Она была выше его на две головы. У нее были восхитительные рыжие кудри и глаза цвета Волги. Когда она сердилась, глаза темнели и становились цвета Свяяги.

В этом году она заканчивала восьмой класс. Мотылек — четвертый. Благодаря Острову они целый год учились вместе.

Систему школьного образования на Острове можно было бы назвать экспериментальной, если бы она была рождена смелой мыслью какого-нибудь новатора от педагогики. Но директор школы Р. Р. Николаев называл ее вынужденной, чиновники в районном управлении соглашались и закрывали глаза. На Острове проживал двадцать один ребенок младшего и среднего школьного возраста. Все дети учились в островной школе номер один, где работали четыре учителя и директор. Один учитель мужественно нес на своих хрупких старушечьих плечах все младшие классы: дети от семи до девяти учились вместе три года подряд, каждый год проходя заново программу младшей школы. Ребята десяти-пятнадцати лет получали основы среднего образования от трех учителей-многостаночников, достигших вершин мастерства в преподавании различных дисциплин столь разновозрастной аудитории.

Такая система сложилась еще в тридцатые годы, когда специальным указом Наркомпроса островитянам запретили возить детей на катерах в нормальную береговую школу «во избежание попыток побега со стороны пациентов психиатрической лечебницы». Тогда же запретили иметь и собственные катера. Зато построили школу, маленькую, всего на два класса, и одну крошечную учительскую — но свою.

Мотылек бежал в школу через холм и запыхался. Влетел в класс и рухнул на свою парту. Успел — урок еще не начался. Краем глаза заметил знакомое облако рыжих волос у окна, внутри живота что-то привычно дрогнуло. И, как всегда, подумалось, что сначала он сам вырвется отсюда, а потом, через несколько лет, вернется — выросший, возмужавший — и увезет ее с Острова. Навсегда.

— Не, в училище не хочу. Зачем? — Люба сидела на подоконнике рядом с большим синим глобусом и кокетливо вертела его пальчиком; коричневое платьице открывало круглые коленки и упругие бедрышки, обтянутые эластичными колготками со сложным рисунком. Этот рисунок внимательно изучали, словно запоминая наизусть, два рослых восьмиклассника, стоявших рядом.

Тряхнула упругими кольцами кудрей:

— Я лучше здесь останусь. У меня обе сестры в психушке санитарками. Одна уже старшей стала. Говорит: ве-есело там... — она улыбнулась чему-то, что было известно ей одной.

Родители Любы, давая имена дочерям, не были оригинальны: старших девочек звали Вера и Надежда. Закончив восьмилетку, они остались на Острове.

— А я в девятый класс хочу, — сообщил один из Любиных собеседников, оторвав на миг глаза от узорчатых колготок. — Меня отец обещал летом в Казань послать, к родственникам. Я там дальше учиться буду.

— А смысл? — Люба закинула ногу на ногу, открывая взгляду исследователей еще несколько квадратных сантиметров сложного рисунка. — Мой папа столько получает, сколько в твоей Казани многим и не снилось.

Отец Любы уже много лет был главным санитаром и заслуженным работником психушки. Старших санитаров было несколько, а главный — один.

— Что, больше преподавателя в университете? Больше профессора? — не поверил второй восьмиклассник.

— Про профессора не скажу, но уж побольше нашей Липучки точно, — ехидно сообщила девушка. И уточнила громким шепотом: — Ровно в пять с половиной раз.

Младшие дети, не допущенные к разговору взрослых, но внимательно за ним следившие, ошарашенно переглянулись и зашептались. Распахнулась дверь. В класс мелким, семенящим шагом вошла Липа Ивановна, по-простому — Липучка, поправляя на ходу выбившиеся из пучка жидкие волосы. Как женщина она была некрасива и нелюбима. Дети это знали.

— Аполлонова, не задирай юбку, — вместо приветствия устало скомандовала она.

Люба плавно опустила ноги в блестящих туфельках на пол и не спеша процокала на заднюю парту. Восьмиклассники проследовали за ней. В животе у Мотылька опять что-то дрогнуло. Люба была тем единственным, что как-то примиряло его с Островом — хоть немного, хоть иногда. И тем единственным, что он хотел бы забрать отсюда.

— Историю сегодня буду вести я, — объявила Липучка, бросая на учительский стол журнал.

— А Роман Романыч?.. Что с ним?.. Заболел?.. — раздались встревоженные голоса.

Роман Романович Николаев был директором школы и единственным учителем, который пользовался у учеников авторитетом, а у некоторых даже любовью. Он вел историю, географию, ботанику и биологию, часто сплавляя эти дисциплины в единый увлекательный урок о жизни и ее законах.

— Да, он сегодня отсутствует... — медленно, словно через силу, проговорила Липучка, отводя глаза к окну.

Потом решительно взяла мел и стала царапать на доске каллиграфическим почерком тему урока: «Царствование Ивана Четвертого (Грозного)».

Урок Липучки Мотыльку не понравился. Очень интересные вещи она рассказывала совершенно неинтересно. Как стертую колоду, устало и обыденно, она тасовала жадных бояр, жестоких опричников, безрассудных стрельцов и даже самого властолюбивого и кровожадного царя Ивана Васильевича. Все эти некогда мощные и влиятельные фигуры обрывками плоского и серого текста из школьного учебника вылетали в открытую форточку. Обратно влетал далекий шум волн.

К концу урока класс задремал. Мотылек думал о том, что сегодня вечером опять разложит в подвале тряпичного человечка и попытается убить деда.

— ...Отступая в 1550 году от Казани во время своего очередного похода, Иван Грозный выбрал место для постройки будущей крепости, которую он планировал использовать для взятия неприступной столицы Казанского ханства. В 1551 году крепость была собрана за четыре недели из деталей, заготовленных в районе Углича и сплавленных по Волге... — монотонно читала Липучка, шелестя страницами.

Мотылек не сразу понял, что речь идет об Острове.

— ...Великий князь приказал срубить город с деревянными стенами, башнями, воротами, как настоящий город; а балки и бревна переметить все сверху донизу. Затем этот город был разобран, сложен на плоты и сплавлен вниз по Волге, вместе с воинскими людьми и крупной артиллерией... — Липучка мельком посмотрела на часы. До конца урока оставалось пять минут. — Сам Иван Васильевич возвратился в Москву, а город этот занял русскими людьми и артиллерией и назвал его Свяжском.

— Это что, про наш Остров, что ли? — громко спросили с задней парты.

— Да, — равнодушно откликнулась Липучка и продолжила чтение: — Построенный вскоре город стал базой русских войск при осаде Казани в 1552 году. Осада длилась полтора месяца и закончилась взятием Казани 2 октября 1552 года. Последний, третий по счету казанский поход Ивана Четвертого оказался успешным. Казанское ханство прекратило существование и вошло в состав Московского государства.

Липучка захлопнула учебник:

— Домашнее задание — дочитать главу до конца.

— Подождите! — вскинулись на задней парте. — А как?! Как взяли Казань-то?! Они ж, то есть мы ж, отсюда ее брали, с этого Острова!..

Липа Ивановна всю свою жизнь вела в школе русский язык и литературу. Она напрягла лобные мышцы, пытаясь вспомнить хоть какую-нибудь информацию об этом историческом событии в школьном курсе литературы.

— Кажется, есть легенда о том, что из Свияжска был выкопан подземный ход в центр Казанского кремля. По этому ходу русские доставили под кремлевские стены бочки с порохом и взорвали их, прорвав оборону защитников города, — неуверенно произнесла она.

Класс восхищенно загудел.

— Но! — Липучка подняла вверх строгий палец. — Это всего лишь легенда. Сами понимаете, что выкопать подземный ход длиной полтора десятка километров, да еще под такой большой рекой, как великая русская река Волга, в шестнадцатом веке было совершенно невозможно.

Дети разочарованно выдохнули.

— Так что как все было на самом деле — почитаете сами в учебнике, — закончила она, вставая из-за стола.

— Нам Роман Романыч расскажет, когда выздоровеет, — мстительно заметили с задней парты.

Липучка медленно распрямила спину, кинула долгий взгляд в окно и, ничего не говоря, чинно понесла свое некрасивое лицо из класса.

В этот миг зазвонил большой колокол. Его басистые удары, словно августовский гром, накрыли Остров. Значит, из психушки опять сбежал *белый*, и скоро начнется облава.

Никто на Острове этого уже не помнил, но когда-то колоколов было тридцать восемь, самого разного размера и тембра; в дни праздников с ними управлялись семь звонарей; послушать звон ехали со всей Волги. Большой колокол был главой этого разноголосого семейства, его отлили первым. А после изгнания монахов его единственного оставили жить — не сняли и даже не отняли язык. Правда, возвещал он теперь лишь об одном — о скором начале охоты на живого человека. Остальные колокола отправили в Казань на переплавку, и они давно уже стали штыками, пулями, ружьями, танками.

Услышав бой колокола, дети кинулись сначала к окну, а потом с громкими криками вон из школы. Специальным приказом Наркомвоенмора еще в тридцатые годы все взрослое островное население обязали при первых звуках тревоги поступать в распоряжение медицинского персонала лечебницы для поиска сбежавших пациентов — вплоть до их поимки. Для учителей не было сделано исключение, а это означало, что уроков сегодня уже не будет. Дети могли развлечься: принять участие в облаве. Или, если пока не хочется, понаблюдать за ней.

Мотылек решил понаблюдать. Прибежав домой, он схватил фонарик (облава могла продлиться до темноты), сунул в карман пару зачерствевших пряников и помчался к храмам.

* * *

Ива — дерево тонкое, деликатное. Листьями шумит сухо и нежно, шепотом; тихо плачет о чем-то своем, сначала девичьем, потом стародевичьем. Мотылек любил ивы, а одну из них — морщинистую, разлапистую, с тремя корявыми, смотрящими в разные стороны стволами — особенно. Ива росла у стены храмового подворья. Она была так стара, что, наверно, помнила то время, когда на Острове не было храмов. А может, совсем молодым деревцем видела и основателя поселения — царя Ивана Васильевича... Ива была очень высока. На одном из ее стволов сейчас сидел Мотылек и наблюдал за происходящим внутри подворья.

Храмы лежали перед ним как на ладони. Пять громад из рубиново-красного кирпича на вершине самого высокого холма Острова. Тридцать куполов, покрытых черной, блестящей на солнце чешуей и увенчанных строгими крестами. Громадина колокольни. Высокая кирпичная ограда, вьющаяся вокруг нарядной бесконечной лентой.

На храмовом подворье собиралось войско в белых халатах. Санитары и санитарки копошились муравьями, сначала бестолково, потом сбиваясь в кучки, отряды, постепенно упорядочиваясь и выстраиваясь в стройное вогнутое каре. В центре этого каре встал главный санитар. По огненно-рыжим волосам Мотылек узнал Любиного отца. Главный санитар отдал краткие приказания, разрубая воздух руками, — сначала в одну сторону, потом в другую, потом в третью. И армия белой рекой потекла через храмовые ворота с холма вниз, в три разных конца. Где-то там, в потоке, маршировал и одетый в белый халат дед. «Белые ловят белого», — подумал Мотылек. За воротами ожидали прибежавшие на зов колокола взрослые и дети, они присоединялись к потокам, разбавляя цвет.

А может, сбежал тот самый, не настоящий *белый*, который спас вчера Мотылька от деда? Вот это бы здорово!.. Мальчик даже задохнулся от этой мысли.

И захотелось, чтобы беглеца не нашли! Чтобы он растворился в Волге, рассыпался речным песком, растаял в воздухе. Чтобы его унесло ветром. Чтобы земля разверзлась под ним и поглотила. Все лучше, чем жить в красных храмах. Мотылек ни разу там не был, но понимал: дед был малой частью этого огромного и пугающего красного тела; именно храмы питали деда силой, а он дарил им всю свою жизнь.

Может, попытаться найти беглого *белого* раньше санитаров и попробовать спасти? Укрыть в ивовой роще, в пещерах скалистого берега или в собственном подполе, наконец? В картофельном ящике. Там-то точно никто не будет искать... Мальчик белкой скатился по стволу вниз, ломая сучья, пружинисто прыгнул на траву. На секунду замер в нерешительности, размышляя, куда бежать сначала, и рванул к *жилому* холму.

По форме Остров напоминал трилистник: в центре огромной красной сердцевинной — храмовый холм, самый большой и высокий, в три стороны от него — холмы поменьше: *лесной*, *скалистый* и *жилой*. К последнему и летел сейчас Мотылек.

Дома росли на жилом холме, как опята на трухлявом пне: густо, вперебой. Когда Мотылек вбежал в деревню, она напоминала растревоженный улей. Кричало всё: козы, коровы, куры, люди, собаки. В воздухе молочным туманом клубилась пыль. По главной улице рассыпался отряд поисковиков в белых халатах. Каждый подпоясан кожаным ремнем, с которого свисает моток веревки и большая деревянная трещотка. Некоторые орудуют трещотками, не снимая их с пояса, а кое-кто потрясает ими высоко в воздухе, издавая особо громкий и длинный треск. Санитары обыскивают каждый дом, каждый двор, каждый сарай, ни на секунду не прекра-

щая трещать. Помогающие им взрослые за неимением трещоток громко и резко кричат: «О! О! У! У!..» Мотылек увидел Липучку, которая вместе со всеми шла по улице, отбивая в ладоши такт: «О! О! У! У!» Кто-то вытащил на улицу баян и стал лаять им, широко разводя мехи. Дети завывали от восторга и пустились в первобытный танец посреди улицы. Когда Мотылек был маленьким, он сам пару раз танцевал вот так, под ритмичный треск и крики взрослых во время облав. Тогда казалось: не может быть ничего веселее. Два года назад одного беглого поймали именно здесь, в деревне. Не выдержав оглушительного шума и криков, он с ревом выбросился на улицу с чердака одного из домов, где прятался несколько часов. Хотел бежать дальше, но не смог — сломал ногу. Тут его и взяли, в цветочном палисаднике, воющего от страха и зажимающего уши. Пришлось нести в психушку на руках. За это санитары трещали над его головой всю дорогу к храму.

Мотылек пробежал всю деревню, от школы до дедова дома, стоящего на отшибе. Понял: здесь делать нечего. Ищут тщательно и везде: в домах, в подполах, в сараях, за поленницами, в собачьих будках... Не то что человека — и крысу найдут. Если беглец укрылся в деревне — ему не помочь. И мальчик решил бежать на другой холм — *лесной*.

Ивовая роща опоясывала лесной холм снизу, оставляя его просторную вершину пустой — на этой могучей лысине располагалось местное кладбище. Именно там сейчас и рыскал второй поисковый отряд. «Решили сверху вниз гнать, к реке», — понял Мотылек. Он бесшумно прокрался ближе, притаился в кустах.

Островное кладбище было огромно и имело два крыла. С восточной стороны холма, всё в зарослях крапивы и буреломе, раскинулось Старое кладбище — там с незапамятных времен хоронили паломников, умерших на Острове. Кто умирал ненароком, кто специально ехал сюда проститься с жизнью — все покоились сейчас в глинистой земле Острова, слушали шум Волги и шелест ив. Сейчас туда редко кто захаживал, даже мальчишки побаивались этого жутковатого места. Деревянные голбцы попадали, вместо некоторых успели вырасти кусты и деревья. Кладбище постепенно умирало, становилось лесом.

С запада к нему примыкало Новое кладбище, на котором хоронили уже граждан Советского Союза, работавших в психушке, а также самих *белых*. За шестьдесят лет существования лечебницы поумирало так много народу, что вся поляна была густо покрыта крестами и надгробными камнями, — бывшие санитары и пациенты лежали вперемежку, кучно, впритирку. Здесь часто устраивали субботники и воскресники, кладбище было ухоженным, живым. Санитары шагали по могилам широким хозяйским шагом. Одна рука работает трещоткой, вторая — сбивает большой палкой все высокие заросли. Добровольные помощники шли следом, вооружившись кто мотыгами, кто вилами, — размеренно и часто вонзали инструменты в кусты, травы, цветы. Ранить белого можно, это не запрещается — запрещается его упустить. Кто-то притащил из деревни большую собаку на поводке, и она лаяла без перерыва, чувствуя всеобщее возбуждение.

— Под каждый крест заглядывать! Под каждый лопух! — раздался недалеко высокий голос деда, заглушая непрекращающийся треск. — Кто найдет — как всегда, свое получит. Не обидим.

Вознаграждение не было прописано в специальном приказе Наркомвоенмора 1937 года. Но всегда имело место — хорошая столичная водка и специальный продуктовый набор из Казани. С мыслью об этом кому-то и искалось веселее. Хотя многие помогали санитарам не из корыстных соображений, а из здорового, веселого азарта. Мотылек медленно отполз назад, в укрытие ив. Решил обежать рощу, пока санитары прочесывают вершину холма.

— Дяденька, не бойся, — шепотом звал он, тенью скользя от дерева к дереву и заглядывая в дупла и норы.

— Дяденька, выходи, прошу тебя...

— Дяденька, поверь...

Но встретились ему только ящерицы да мыши.

Дневной зной утихал, солнце клонилось к закату. Санитары уже шныряли по склонам холма, спускаясь все ниже, звук трещоток приближался. Оставалась последняя надежда — что беглый на *скалистом* холме. Он был назван так из-за каменистого обрывистого берега, в высоких стенах которого зияло несколько ущелий и пещер. Именно в этот холм билась грудью коварная Свияга, обманчиво приветливая при хорошей погоде и нескрывая свирепая при плохой. Место это было опасное — и для людей, и для катеров. Огромные валуны остро торчали из воды вдоль всего берега, пышно вспенивая воду даже в тихий день. Дно резко уходило вниз, падало пропастью. Мотылек решил сразу бежать к пещерам. Поиски длились уже несколько часов; если и мог беглец где-то так долго укрываться — только там.

По крутой сыпучей тропинке мальчик заскользил вниз, к берегу. Волны гулко бились о скалы, ветер доносил холодные брызги. Сквозь шум воды долетал еле слышный звук трещоток — третий поисковый отряд исследовал пещеры с другой стороны скалистого холма, постепенно приближаясь. Мотылек успел обыскать две пещеры. Излазил на брюхе вдоль и поперек, дочерна испачкав школьный костюм и промокнув насквозь. Шарил слабым фонариком по сочащимся водой камням, заползал за скользкие валуны, в расщелины.

— Дяденька, я тебя спасу! Покажись... — шелестел он, и его шепот еле слышным эхом отражался от мокрых стен, таял в звоне пещерной капли.

Кричать боялся: могли услышать санитары. С каждым часом бесплодных поисков все больше верилось, что сбежал не обычный *белый* (такого бы давно уже нашли), а тот самый, Мотыльков спаситель. «Точно — мой!» — радостно и нежно думалось мальчику. Когда Мотылек изучал третью пещеру, следом вошли санитары. Трещотки их звучали устало, голоса — зло и тихо. Мотылек летучей мышью взметнулся по камням за темный валун куда-то под самый потолок, вжался лбом в гигантский сталактит, зажмурился, окаменел.

— Искать, сволочи! Искать, гады! — командовал низкий голос; Мотылек узнал бас Любиного отца.

Сквозь зажмуренные веки уловил движение света в пещере — это яркие фонари шарили по стенам. Искали долго и тщательно. Могли бы найти и Мотылька, но он сидел очень уж высоко. Переговаривались, сплевывали. Один запустил со злости камнем в потолок пещеры, тот загрохотал по валунам гулко, будто смеясь. Никого не обнаружив, ушли дальше. Но кто-то один еще оставался, топтался, стуча тяжелыми подошвами. Мотылек уловил запах дыма и, приоткрыв глаза, осторожно высунулся из-за сталактита. Главный санитар. Он сидел на камне у самого входа в пещеру, сгорбленный, и курил, глядя на волны. Огненная шевелюра пламенела на закатном солнце, сизое дымное облако стелилось к камням. Вдруг он резко повернулся к пещере и вперился в темноту.

— Ты здесь, с... политическая? — громко и отчетливо спросил тишину. — Ты здесь, сволочь под грифом «Ч»?!. А ну выходи!

Мотыльку показалось, что главный санитар смотрит ему прямо в глаза. Сердце колотилось о холодный валун так громко, что могло выдать. Но тот уже опустил голову низко на грудь.

— Господи, меня же самого под грифом «Ч» пустят... — услышал Мотылек его

трагический шепот. — Даже на учет поставить не успели, собаку... Господи, за что мне это...

Докурил, обреченно выбросил непогашенную сигарету в глубь пещеры — она золотой кометой пронзила бархатную черноту — и вышел.

«Так и есть: он! Мой сбежал! Мой!» — возликовал Мотылек. Но только мальчик хотел спуститься из своего укрытия, как внизу раздался чей-то сдавленный смех. Вновь припал лбом к сталактиту и замер. Из-за большого валуна, приглушенно хихикая, вылезали двое.

— Тебя же накажут, — знакомый женский голос.

Мотылек напряг зрение, и ему показалось, что в темноте он видит рыжие кудри. Люба?

— И тебя отец не похвалит, если узнает, — голос мужчины.

— Ему сейчас не до меня — сам слышал... Как отстали от всех, так и догоним потом — никто и не заметит.

Точно: Люба! Мотылек не увидел, но почувствовал, как при этих словах она привычно тряхнула кудрями.

— И хорошо, — мужской голос стал ниже, потом превратился в нечленораздельный шепот и стих совсем.

Двое все еще оставались у валуна, в тени, и Мотылек не мог их видеть. Но слышать мог, и довольно хорошо. В наступившем долгом молчании он уловил тихий мокрый звук, словно камешком по воде плеснули. «Целуются», — догадался мальчик, и сердце его перестало стучать о холодный валун. Дыхание обоих становилось все более глубоким и напряженным. К дыханию примешивались звуки движения двух тел, шуршание одежды, иногда некстати раздавалось потрескивание трещотки. Скоро мужчина стал дышать так громко и быстро, что перекрывал несущийся снаружи шум волн.

— О... о... у!!.. у!!.. — вдруг прерывисто закричал он.

— Хорррошо! — вскрикнула Люба в ответ так, как обычно кричат от боли.

«Как можно целоваться и кричать одновременно?» — размышлял Мотылек. Его тело, пальцы были такими холодными, что камни, казалось, согревали их.

Двое закончили свои странные поцелуи. Неровными шагами пошли к выходу из пещеры, и Мотылек увидел их пошатывающиеся силуэты на фоне волн. Люба поправляла юбку и подтягивала колготки. Мужчина отряхивал белый халат, поправлял трещотку на поясе. Так больше и не коснувшись друг друга, не сказав ни слова, они разошлись: санитар — догонять поисковый отряд, а Люба — в другую сторону.

Не чувствуя рук и ног, Мотылек медленно сполз с валуна и вышел из пещеры. Забыв про поиски, побрел вдоль линии прибоя. Самого прибоя не слышал — в ушах стояли недавние крики. Белые хлопья пены снегом падали на лицо, но мальчик их не чувствовал. Он понял, что не увезет Любу с Острова. Берег постепенно стал пологим. Солнце уже обмакнуло край в горизонт. Золотая вода ласково плескала в коричневый песок. Комариные облачка с нежным звоном летели над водой. Время почти остановилось.

И вдруг Мотылек увидел *его*. Тяжелым черным бревном тело медленно выплывало из прибрежных камышей. Первой шла голова. Прозрачнокрылая стрекоза присела на круто торчащий вверх бритый затылок и тотчас же упорхнула. Следом показалась спина и протянутые вдоль тела руки. Раздутые изнутри водой рукава белой рубашки казались огромными мускулами. Так и есть, это был тот самый ненастоящий *белый*, который вчера спас Мотылька от дедовых побоев. Он завороченно смотрел, как тело медленно приближается к берегу. Оно очень напоминало

сложенного ночью тряпичного человечка, только было больше размером. Когда утопленник подплыл совсем близко, Мотылек разглядел вокруг него целое облако мелких рыбок. Под тонкий плеск волны и шорох камыша *белый* ткнулся головой в песок у самых ног мальчика. Мотылек сбросил кеды, подоткнул повыше штаны и зашел в теплую вечернюю воду. Осторожно подошел к телу, распугав мальков. Трупов не боялся совсем. Что может сделать мертвый? Ничего. А вот посмотреть еще раз на спокойное и сильное лицо своего защитника хотелось. Мотылек решил не извещать санитаров о своей находке. Он только посмотрит еще раз на *белого*, а потом спрячет его в камышах. Ночью притащит свои старые, кованные железом санки и привяжет к ним тело. И спустит на дно в каком-нибудь глубоком месте — их тут предостаточно. Пусть лежит себе на дне, рыбы его потихоньку подъедят, — все лучше, чем обратно в психушку... Это будет победа над красными храмами. Победа и его, Мотылька, и *белого* тоже. Мотылек толком не мог объяснить почему — ведь *белый*-то умер. Но что победа — знал точно. Хотел перевернуть утопленника лицом вверх — не смог: слишком тяжело. Взялся за одну руку, вытянул тело из воды с одной стороны, насколько хватило сил. Потом — за другую. Теперь труп по плечи выглядывал из воды и словно обнимал берег руками, уткнувшись носом в землю. Мотылек ухватил обеими ладошками холодную мокрую кисть и завел руку утопленника за спину. Кряхтя от натуги, потянул дальше — и тело нехотя перевернулось на спину. Мальчик зачерпнул воды и окатил острый нос и торчащие скулы. Темный в наступающих сумерках песок сполз с кожи, как маска.

Это был не *белый*. Роман Романыч лежал на берегу — в светлой рубашке, раскинув руки, с выражением глубокой тоски на слегка распухшем от воды лице. Темные глаза вопросительно смотрели на первую звезду, разгоравшуюся в небесной синеве. Закатное солнце золотило щеки, придавая чертам живость. По правой щеке ползла огромная коричневая улитка, шевеля шишковатыми рогами.

В этот миг забил большой колокол, возвещая о том, что санитары нашли беглого пациента. Мотылек рванул с места, перебирая запутавшимися в воде голыми ногами. Уже на берегу упал, взрывая песок вокруг себя, вскочил и бросился прочь, не разбирая дороги. Кеды остались валяться на берегу. Утопленник по-прежнему внимательно изучал звездное небо. Улитка продолжала свой путь по его бледной щеке.

* * *

Мотылек мчался по Острову, колотя голыми ступнями по земле, камням, траве, песку. Ноги несли его прочь, прочь, прочь. Сердце билось в горле. Огнем горело дыхание. В глазах мелькали кусты, деревья, холмы. Силы кончились разом, внезапно. По макушкам торчащих из густой крапивы деревянных голбцов понял, что на Старом кладбище — с той стороны, где уже давно никто не ходил. Пробежал еще десяток шагов на непослушных ногах и споткнулся о криво растущий из земли крест, ничком полетел на одну из древних могил. Едва обессиленное тело коснулось могилы, земля под ним разверзлась — и Мотылек полетел вниз, в черноту провала. От ужаса закричал, но сверху уже сыпались земля и куски дерна, заглушая крик. Показалось, что падал долго. Сначала отвесно, потом — по пологому склону, по жестким комьям, головой вперед. Как мог, защищал голову руками, но корни все равно царапали лицо. По узкому тоннелю он мчался куда-то глубоко вниз, к самому центру земли. Мелькнуло: в ад. Постепенно движение замедлилось, и скоро Мотылек смог опереться руками и ногами в стены тоннеля — остановился. Стояла абсолютная тьма. Пахло сырой землей. Не доносилось ни единого звука.

— Мама, — выдохнул Мотылек.

Голос прозвучал ватно. Никто не отозвался. Сел, голова коснулась свода. Ощупал руками вокруг — твердые земляные стены. Корней не было — видимо, они остались выше. Отполз назад, к выходу — ткнулся головой в насыпь из комьев земли и камней. Проход засыпало. Попробовал разгрести руками завал — куда там! Усердствовать побоялся: плотная стена из земли и камней могла осыпаться и поглотить его. Оставался один путь — вперед. Мотылек медленно пополз, опираясь на колени и запястья, то и дело вытягивая вперед руку, чтобы нащупать направление. Слышал только свое дыхание: вдох-выдох, вдох-выдох... Полз долго. По ощущениям — с небольшим уклоном вниз. Глаза постепенно привыкали к крошечной тьме. Земля дышала сырым холодом, но от постоянного движения мальчик разогрелся. «Буду ползти, чтобы не замерзнуть», — решил он. Прошло много времени. Колени и запястья устали. Вдруг вспомнил о фонарике, достал его из кармана. Включил: слабый желтый свет залил на мгновение округлые своды, ножом резанув по глазам, и заморгал: недавние поиски в пещерах были долгими, и батарейка успела разрядиться. Он решил беречь фонарик и спрятал его обратно в карман. После вспышки света глаза привыкали к темноте долго. Но скоро ему вновь стало казаться, что он что-то видит. Мотылек все полз вперед. Жесткие комья земли и мелкие камни больно впивались в ладони. «Вдруг проход раздвоится, а я не замечу? — пришла внезапная мысль. — Или пропущу какой-нибудь боковой лаз?» Решил тщательнее ощупывать стены вокруг.

Внезапно земля стала еще более холодной, после — влажной, а потом под ладонями захлюпала вода. Чтобы не мочить колени, он сел на корточки и стал передвигаться по щиколотку в воде. Вода все прибывала. Скоро Мотылек был уже по пояс в воде. Фонарик зажал в зубах. Полз вновь на коленях — так было удобнее. Через несколько минут вода дошла до локтей. Потом до груди. Решил включить фонарик и осмотреться. При слабом мерцающем свете увидел уходящую вдаль неровную кишку прохода, почти заполненного водой. Низко над головой нависал потолок, с него сочилась влага. Далеко впереди проход немного поворачивал. Это было последнее, что он увидел при свете фонарика: слабая вспышка — и лампочка медленно погасла. Засунул бесполезную вещь в карман, полный воды, и пополз дальше. Скоро вода дошла Мотыльку до шеи. Звук дыхания отражался от поверхности воды: вдох-выдох, вдох-выдох... Пришлось двигаться медленно: стоило ползти чуть быстрее — и маленькие волны, поднимаемые его телом, плескали в лицо. Вода поднялась до подбородка. Затем покрыла плотно сомкнутый рот. Раскрыл губы, попробовал на вкус — соленая, будто морская. Мотылек остановился и ощупал потолок: впереди он погружался в воду. «Назад!» — билось в висках в такт сердцу. Он зажмурился, набрал полную грудь воздуха и, оттолкнувшись ногами из всей силы, нырнул вперед.

Плыл, отталкиваясь руками и ногами от стен. Голова то и дело билась о потолок. Мотылек постепенно выпускал воздух из легких. Скоро воздух закончился. Через пару секунд ощутил что-то вроде слабого течения. «Несет к реке?» Додумать не успел: обезумевшее без воздуха тело задергалось, ногти зацарапали податливую глину потолка... Очнувшись от глубокого судорожного вдоха. Он все еще плыл по проходу, заполненному водой, — лежа на спине, кончиком носа касаясь потолка, вдоль которого тянулась полоска спасительного воздуха. Постепенно тонкая полоска становилась шире, скоро он смог перевернуться и встать на колени. Вода спадала, потом исчезла совсем. Мотылек, насквозь мокрый, рухнул на сырую землю и сладко заснул. Через пару минут проснулся от холода. Тело било мелкой дрожью, зубы стучали. «Ни за что больше не сдвинусь с места, так и буду лежать», — лениво мелькнуло в сонном мозгу. Сжался, обхватил руками колени — и вдруг нащупал в

кармане какой-то странный предмет: липкий, сваявшийся комок еле умещался в ладони — пряник! Жадно засунул в рот всю пригоршню, на зубах хрустнул песок. Сладкий вкус размякшего теста отдавал рыбой и гнилью. Вкусно. Облизал пальцы, выковырял из складок кармана остатки. Появились силы двигаться. Пополз дальше. «Наверное, уже наступило утро, — думал Мотылек, переставляя руки и ноги. — Жаль, пряников мало взял...»

Вдруг далеко впереди мелькнула какая-то слабая тень. Он сам не понял, увидел ли он ее свыкшимися с темнотой глазами или просто почувствовал. Тень бесшумно и быстро перемещалась по полу. Вот она уже в паре метров от мальчика. Обострившимся слухом уловил присутствие небольшого существа. Скоро теней стало две. Три. Много. «Крысы, — понял Мотылек. — Голодные». Времени на размышление не было. Он оскалил зубы и с низким лаем бросился вперед. Клацая челюстями и заходясь протяжным воем, он бежал на четвереньках, неуклюже, но стремительно. Иногда ударялся плечами о стены или головой о потолок, но не замечал этого. В какой-то миг ему показалось, что он действительно хочет догнать крыс, — хоть одну из них, самую мелкую, впиться ей в холку и резко тряхнуть головой, чтобы сломать позвоночник... «У-у-у-у-у!!» — из последних сил выл он вслед убегающим теням, утирая катящиеся по щекам слезы. Скоро вой перешел в поскуливание и затем в плач. Но крысы этого уже не слышали: они ушли. Поревел, скрючившись на земле, пополз дальше.

Скоро почувствовал, что потолок отдаляется — проход становится шире и выше. То и дело вытягивал руку вверх, проверяя высоту. Смог встать. Сначала пригибался немного, чтобы не задевать темечком свод. Затем пошел свободно. Каким наслаждением было идти прямо после долгих часов на коленях! Чувствовать голыми ступнями каждый камешек, каждую трещинку пола. Мотылек блаженно вытянул руки вверх, приподнялся на цыпочки, выгнулся всем телом — пальцы едва коснулись свода. Попрыгал, шлепая ладонями по сухому потолку. Пробежался на месте, высоко задирая ноги. Поприседал. Пошел дальше. Одежда на нем обсыхала. Теперь, когда ход стал много шире, было сложнее ощупывать стены в поисках боковых ходов. Он шел, попеременно ведя рукой то по левой, то по правой стене. Вдруг ладонь повисла в пустоте: стена обрывалась. Он метнулся к этому месту и ощупал его. Это была ниша в стене размером с собачью будку. Недолго думая, Мотылек залез в нее, свернулся уютным калачиком и заснул. Спалось сладко и долго. Под конец приснился странный сон — где-то с громким стуком колотилось большое сердце: «Тук-тук! Тук-тук!..» Далекий звук раздавался все ближе. «Тук-тук!» — прозвучало совсем рядом, и мальчик проснулся, в ужасе открыл глаза и увидел, как большая освещенная фигура мелькнула в проеме его укрытия. Еще одна фигура пролетела. «Тук-тук!» — стучали копыта коней, один за другим пронеслись всадники. Они держали в руках горящие факелы, неровный свет падал на суровые лица, заросшие бородами по самые глаза, отблескивал в лезвии секир за плечами. Гигантские тени неслись за своими хозяевами по округлым стенам. Кавалькада промелькнула быстро. Когда стук копыт замер, раздался новый звук. Вторая группа всадников летела по подземному проходу и вскоре проскакала мимо укрытия Мотылька. Пахло конским духом и горячей паклей. Изредка доносилось короткое ржание. Скоро и эти звуки стихли.

Через несколько минут мальчик вновь различил приближающийся топот. Коней было совсем мало — два или три, и они несли всадников медленно и осторожно. Мотылек услышал негромкие голоса: один — высокий, волнующийся, второй — низкий, упрямый. Они о чем-то горячо спорили. Не доехав совсем немного до норки, где притаился мальчик, всадники остановились и продолжили перепал-

ку. Мотылек видел на стене их дрожащие длинные тени — они взмахивали руками, ссорились.

— Рассуди ты, государь, кто из нас правее, — умоляюще произнес наконец высокий голос.

— Рассуди, будь милостив, — согласился упрямый бас.

Повисла секундная пауза.

— Оба неправы, олухи, — прошелестел третий голос, бесцветный, как ветер. — Не видать ему ни дыбы, ни кипящей смолы. Так легко он от нас не отделается. Думайте, бездари!

И подал коня вперед. Медленно появлялся обладатель третьего голоса в проеме ниши. Сначала показалась морда коня: черная, лохматая, в тускло отблескивающей сбруе. Затем — рука, держащая факел, костистая, длиннопалая, на каждом пальце по большому перстню. Обшлаг красного бархатного халата. И, наконец, лицо: бледное, длинное, с торчащими буграми скул над жидкой темной бородой, с черными, вороньими глазами без век под кустистыми бровями. Соболья шапка с расшитой золотом маковкой съехала на затылок, открывая пряди немых волос, расчесанных на прямой пробор. Человек устало прикрыл глаза и пустил коня быстрее. Двое других, торопясь, устремились за ним, и Мотылек не успел их разглядеть. Скоро все стихло. Он долго сидел неподвижно в своем укрытии, боясь высунуться, но больше никого не было. Прошел час, а может, два. Мальчик решил выглянуть из норы, но в кромешной тьме не было видно ни зги. Понюхал воздух. Запах коней и горящих факелов исчез. Вновь пахло землей и сыростью. Мотылек решил продолжить путь. Осторожно вылез из норы и, припадая к одной из стен, на нетвердых ногах пошagal дальше. Крепко сжимал в руке бесполезный фонарик — единственное оружие на случай, если его все же обнаружат всадники. Решил защищаться до последнего — лучше быть зарубленным секирой, чем попасть на суд грозного государя с бесцветным голосом и вороньими глазами.

Шагал долго. Скоро ноги перестали подрагивать от страха перед таинственной конницей. Проход был, как и раньше, высок и широк. Мотыльку даже показалось, что он ведет немного вверх. Вдруг что-то заставило его остановиться. Замер, ощущая какое-то непонятное изменение вокруг. Понял — в узком коридоре стало будто больше воздуха. Стал ощупывать земляные стены и пол. А пола не было — он стоял на самом краю обрыва. От неожиданности выпустил из рук фонарик — тот беззвучно канул в провал. Звука падения мальчик не услышал. Сел на землю, постарался унять дрожь в ногах. Стал изучать стены: может, есть какой-то уступ, тропинка, ведущая по кромке стены? Не было тропинки, не было уступа.

Куда же делись всадники? На всем пути от места встречи с ними и до провала не было боковых ходов — Мотылек это точно знал. Значит, уйти другой дорогой они не могли. Неужели канули в пропасть? Но у них яркие факелы, они бы увидели провал. Значит, это просто глубокая расщелина, и недалеко впереди — ее второй берег. Всадники перескочили расщелину на конях. Жаль, что фонарик пропал! Мотылек мог бы бросить его вперед и проверить свою догадку. Пополз обратно в поисках комка земли или камня. Как назло, стены были твердые и гладкие — не нашлось ничего подходящего. Отползать далеко назад не хотелось. И мальчик решил прыгнуть сам. Он еще раз нащупал место, где земля уходила отвесно вниз. Отмерил от него десять больших шагов. Встал, приготовился. Распахнул пошире глаза, сжал кулаки. Разбежался, считая про себя шаги. Последний пришелся на самую кромку, голая ступня уперлась в ребро обрыва. Оттолкнулся, взлетел в темноту. Показалось, что летел долго, — пока твердая земля не ударила в грудь. Вцепился в нее руками, ногтями, ногами — по отвесной поверхности пауком взобрался на проти-

вположный берег провала. Отдышался. Непослушными руками изучил стены и пол вокруг. Подземный коридор продолжался. Решил ползти на коленях, чтобы не свалиться в другой провал, если он встретится на пути. Одновременно ползти на коленях и изучать стены в поисках боковых ходов было очень долго и утомительно — решил просто ползти, не касаясь стен. Наверное, наверху уже наступил следующий день. А возможно, и следующая ночь. Время замерло.

Ладонью попал на что-то твердое и острое. Мальчик вскрикнул и прижал запястье ко рту, останавливая сочащуюся кровь. Камень? Или корень? Второй рукой осторожно ощупал предмет — что-то длинное и острое, скорее всего, палка. Неужели он приближается к выходу из подземелья? Палки стали попадаться чаще. При каждом шаге мальчик осторожно ощупывал носком ноги землю перед тем, как поставить ступню. Скоро стали попадаться камни: большие, круглые, как на подбор. Они не были холодными, скорее, просто прохладными. Мотылек уже отчетливо чувствовал уклон пола вверх. Хотелось бежать вперед опрометью, чтобы скорее выбраться из подземелья, но он себя останавливал: можно поранить ногу о камень или палку.

Уклон с каждой минутой становился явственнее, твердых предметов под ногами — все больше. Мальчик уже упирался руками в колени, взбираясь по крутому склону. Порой он расчищал место для шага, ногами расшвыривая мешавшие камни и палки — они со стуком катились вниз. Но скоро их стало так много, что пришлось шагать прямо по ним, осторожно нащупывая удобные площадки, а потом карабкаться. Казалось, он взбирается на огромную гору, усыпанную крупными глыбами и хворостом. Пару раз он отдыхал, ложился лицом на камни, вдыхал их запах — они ничем не пахли. Склон стал таким крутым, что можно было сорваться. Несколько раз нога ступала на неверный камень, который под тяжестью мальчика срывался вниз. Поэтому он был очень осторожен и намертво вцеплялся руками в выбранные камни. Внимательно огибал нащупанные торчащие палки — они грозили распороть одежду, а то и ногу.

Вдруг где-то очень высоко впереди мелькнул слабый свет. Мотылек с утроенной силой стал работать руками и ногами, карабкаясь к выходу. Ища ногой место для следующего шага, опустил взгляд вниз. И похолодел: в слабом, брезжившем сверху свете он увидел, что ползет по огромной горе из черепов и костей, оставляя на них красный след от кровоточащей ладони. Захотелось оттолкнуться от горы что есть сил — пусть упасть, пусть полететь обратно в черный коридор подземелья, лишь бы не цепляться больше за *это*. Но не смог — пальцы держали крепко. Мотылек закричал в ужасе и взметнулся вверх по склону. Через пару секунд был на вершине горы. Различил трубу кирпичного колодца и толстые железные скобы, лестницей уходящие вверх, к круглому отверстию, закрытому крышкой. Через круглую щель и сочились кольцом солнечные лучи. Мальчик схватился руками за влажные скобы и полез к выходу. Крышка люка оказалась незапертой — выдавил ее лбом и выполз на белый свет.

Первое, что он увидел наверху, — башня, сложенная из белоснежного кирпича. Он даже не предполагал, что бывает какой-то еще кирпич, кроме красного. Белые ярусы летели в ультрамариновое небо, к золотому солнцу. Белое на синем. Небывалая красота...

- Товарищи, ребенок в люке!
- Милиция! Милиция! Да что же это такое — в Кремле милиции не дозовешься!
- Врача! Посмотрите — он ранен. Медики есть?
- Надо же — середь бела дня, в самом центре Казани...
- Мальчик, ты цел? Как тебя зовут?

— Малыш, ты откуда взялся?

— Мама твоя где?..

Мотылек сидел на асфальте и смотрел на белую башню. Его тербили, задавали вопросы, суетились вокруг — словом, мешали любоваться. Он старался их не замечать, — все смотрел на белоснежную красоту и не мог насмотреться. На вопросы не отвечал — решил притвориться немым. Немых ни о чем не спрашивают, не пристают с разговорами, от них ничего не ждут — просто определяют в специальный интернат, кормят, одевают и учат разговаривать руками. Об этом Роман Романыч на уроке рассказывал.

* * *

Мотылек не будет говорить три года. Их он проведет в интернате для глухонемых детей в Казани. После будут детский дом в Куйбышеве, общежитие в Астрахани. Ташкент, Мариуполь, Ленинград. Потом Сургут, Ангарск, Оренбург. Через двадцать один год после побега Мотылек вернется на Остров разнорабочим — восстанавливать разрушенные временем храмы.